

О НЕЗАКОНЧЕННОЙ ПОЭМЕ ПУШКИНА «ТАЗИТ»

Поэма под редакторским названием «Тазит» (1829—1830) наиболее подробно изучалась в текстологическом отношении, в аспекте реального и исторического комментария¹. Указана тематическая и текстуальная переключка с «Кавказским пленником», «Цыганами» и «Путешествием в Арзрум» (с последним «Тазит» связан этнографическим материалом, который попал в поле зрения Пушкина во время поездки на Кавказ летом 1829 г.); предложены некоторые сравнительно-исторические параллели (Шатобриан², Мицкевич³). Из старой литературы сохраняют значение толкования поэмы, данные Белинским, Анненковым, Мережковским⁴. Выводы о незаконченном тексте⁵ во многом неизбежно предположительны, но гипотетичность не превышает допустимых пределов: из 14 пунктов плана 11 (V, 336) восемь отражено в белой рукописи, а в черновиках разработан девятый пункт.

¹А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. V. Изд. АН СССР, 1948, стр. 71—79, 336—370 (далее ссылки на это издание даются в тексте). Текст «Тазита» готовил С. М. Бонди. См. также статью «Гасуб», а не «Галуб» в его кн.: Черновики Пушкина, М., 1971, стр. 54—62 (впервые в его кн.: Новые страницы Пушкина, М., 1931, стр. 59—73). В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина — Пушкин. Временник пушкинской комиссии, т. 6, М., 1941, стр. 211—234. Г. Турчанинов. К изучению поэмы Пушкина «Тазит» — Русская литература, 1962, № 1, стр. 38—54.

²В. Л. Комарович, ук. соч., стр. 225—228.

³W. Lednicki. Pushkin's Tazit and Mickiewicz's Konrad Wallenrod — в его кн.: Bits of Table Talks on Pushkin, Mickiewicz, Goethe, Turgenjev and Sienkiewicz. The Hague, 1956, p. 180—197.

⁴Для изучения сочинений Пушкина в «Библиотеке великих писателей». С. А. Венгеров предлагал написать статью о «Тазите» Брюсову. Это видно из письма Брюсова Венгерову от 3-марта 1909 г., в котором он отказывается от предложения. См.: Литературный архив, т. I, 1938, стр. 355. Ср.: Брюсовские чтения 1962 года, Ереван, 1963, стр. 399.

⁵Мнение М. Л. Гофмана: «...есть все основания думать, что «Галуб» был вполне закончен вчерне» (см. его кн.: Пушкин. Психология творчества. Париж, 1928, стр. 83), — не подтвердилось. В случае «Тазита» вопрос о конструктивном значении «незавершенности» отпадает.

Здесь не преследуется цель реконструировать замысел Пушкина. Будет сделана попытка 1) показать возможные пути содержательной интерпретации наличного текста (включая планы и черновики); 2) определить его жанровые тенденции. Обе задачи понимаются в качестве историко-литературных, т. е. их решение предполагает выбор из идеологического и художественного «словаря» эпохи. В первом случае предлагается считать основную оппозицию соответствующего идеологического комплекса доминантой плана содержания данного художественного текста, во втором случае речь идет о нахождении некоторых принципов его внутренней организации. При выполнении задачи интерпретации выбор дает лишь некоторое приближение к культурному коду эпохи, а выбранная антитеза является лишь средством и предметом дальнейших рассуждений. Сами рассуждения о приложении этой антитезы к тексту не могут считаться принадлежащими языку эпохи, а представляют собой компромисс между культурными кодами — исследователя и эпохи создания текста. Таким образом, выбор имеет «позитивное» и «негативное» значение: а) данная антитеза действительно была предметом рассуждений в изучаемую эпоху (в художественных и нехудожественных текстах, а также для читателя), б) рассуждения исследователя до известной степени защищены от аберрации, поскольку строятся вокруг заведомо функционировавшего противопоставления.

Примем за исходное утверждение: рассматриваемый текст отражает в плане содержания идеологический комплекс, определяемый полярными понятиями «естественное состояние» и «цивилизация» (гражданское общество). Этот же комплекс будет основанием сравнения «Тазита» с «Кавказским пленником» и «Цыганами», объектами, которые мы будем полагать известными и относительно которых, в частности, установлена возможность интерпретации на основе данной антитезы.

Для проблематики цивилизации и естественного состояния, центральной в философии Просвещения и акцентированной Руссо (с именем которого она впоследствии связывалась в понятии «руссоизм»)⁶, основополагающим являлось именно

---

⁶Судьба и значение этой проблематики в истории русской литературы

противопоставление, тогда как само понимание естественности, представление о ее носителях не было жестким и единым⁷. Семантику ключевого термина А. П. Куницын описывал так:

«Слово *естественный*, присоединяемое к праву, состоянию, закону и разуму, вводит некоторых в заблуждение по своей двозначительности: иногда значит оно то же, что первоначальный, первобытный, иногда — природный, врожденный. В правоведении употребляется оно в сем последнем значении. (...) Но, принимая название *естественный* в первом значении, многие думают, что (...) состояние естественное — есть состояние людей без общественного соединения, в котором царствовало самоуправство, что закон естественный есть выражение правил, коими люди руководствовались в первобытном состоянии (...)»⁸.

Отсюда видно, что противопоставление велось в двух планах — «реальном» (действительное существование естественных людей) и умозрительном (условное выделение в человеке того, что возводится к природе, — и соответствующее должностное существование).

Постоянным членом оппозиции было «гражданское общество». Первое из указанных Куницыным значений отождествляло «первобытный» (древний) и «естественный», на «синхронном срезе» вместо «первобытный» была возможна подстановка «нецивилизованный». При европоцентризме культурного сознания и в контексте критицизма философии Про-

---

и рецепция идей Руссо в России исследованы в ряде работ Ю. М. Лотмана: Пути развития русской просветительской прозы XVIII в. — в сб.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.—Л., 1961, стр. 79—106; Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов — Уч. зап. ТГУ, вып. 119. Труды по русской и славянской филологии, V, Тарту, 1962, стр. 3—76; Руссо и русская культура XVIII в. — в сб.: Эпоха Просвещения, М.—Л., 1965, стр. 208—281. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века — в кн.: Жан-Жак Руссо, Трактаты. М., 1969, стр. 555—604. Типологические обобщения по культуре Просвещения даны в статье «Проблема знака и знаковой системы и типологии русской культуры XI—XIX веков» — в кн.: Ю. Лотман, Статья по типологии культуры, Тарту, 1970, стр. 26—32.

⁷Руссо писал об этих разногласиях в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» — см.: Трактаты, стр. 41—43. Ср.: в «Праве естественном» (1818—1820) А. П. Куницына: «Философы, изображавшие состояние человека вне общества, держатся различных мнений и больше или меньше удаляются от истинных об оном понятии». Цит. по кн.: Русские просветители (от Радищева до декабристов), т. 2, М., 1966, стр. 293.

⁸Там же, стр. 208.

свещения под «гражданским обществом» подразумевалось прежде всего (не исключительно) европейское, а «нецивилизованный» легко сводилось к «неевропейский».

Философские и художественные памятники соединяют умозрительный и «реальный» планы, логический и исторический аспекты. Отсюда множественность различных во времени (история) и пространстве (этнос) антропологических объектов, которые могли идентифицироваться в качестве естественных. Различно — в границах генерального противопоставления — мыслилось и отношение естественности к цивилизации. Безусловное отсутствие законов или воспитания не являлось обязательным признаком — такого рода институты со знаком «суровой простоты» могли противопоставляться европейским нормам. Для понимания соответствующих сюжетов следует учитывать различие между «Цыганами» Пушкина и, например, повестью, переведенной Карамзиным из де Сталь («Мелина»), где убийство из ревности совершает именно представительница нецивилизованного народа.

Подход Руссо был в принципе рационалистическим, а не историческим. Его дикарь — допущение⁹, носителем естественного начала мог быть: воображаемый первобытный человек, представитель современного нецивилизованного народа, патриархальный крестьянин, ребенок. Тем не менее Руссо выделял сменяющиеся во времени эпохи развития природы человека, связывая одну из них с «той ступенью развития, которой достигло большинство диких народов нам известных»¹⁰. Однако первичным остается нормативное понятие естественности. Оценивая с ним, Руссо определяет Эмиля как дикаря в обществе, а высшую точку неравенства — деспотизм — как «новое естественное состояние» («здесь отдельные лица вновь становятся равными, ибо они суть ничто»)¹¹.

В процессе колонизации просветительская культурная схема обуславливала картину экзотического мира, давала точку зрения, с которой «дикие» наделялись атрибутом естественности. С другой стороны, контакты европейцев с «детьми природы» питали «реальную» трактовку естественности и в то

---

⁹«Этот человек не существует, говорите вы, пусть так, но мы можем допустить его существование». («Письмо к Кристофу де Бомону») — Трактаты, стр. 618.

¹⁰«Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» — там же, стр. 77.

¹¹Там же, стр. 95.

же время давали материал для построения нормативных философских моделей в пользу или против цивилизации¹².

Взаимопроникновение «реального» и отвлеченного значений ключевого термина, отсутствие жесткой соотнесенности атрибута естественности с определенным носителем и отсюда возможность аналогий и отождествлений важны для понимания художественных соответствий руссоистского комплекса и могут быть использованы при их истолковании.

У Пушкина¹³ естественность приписывается обитателям национальных окраин государства (но не ребенку и не крестьянину). В «Кавказском пленнике» и «Цыганах» нецивилизованный коллектив — это такой социум, который противопоставляется цивилизованному (европейскому) обществу как гармоничный («простота») дисгармоничному («страсти»). Известно, что предохраняя условную антитезу от осложняющих моментов, Пушкин игнорировал факт крепостной зависимости молдавских цыган, о котором он писал в предисловии к поэме, не вошедшем в окончательный текст. С тем же связан и способ подачи местного материала: он был в произведении предметом оценки — любования героя-европейца или повествователя.

Основное отличие «Тазита» легко сформулировать в негативной форме: отказ от понимания нецивилизованного социума как внутренне непротиворечивого.

Таким образом, мы имеем два общих утверждения: первое (исходное) постулирует связь между изучаемым текстом и существовавшим вне его идеологическим комплексом; второе выражает (негативно) специфику этой связи относительно избранных для сравнения объектов. Следующие утверждения собственно интерпретируют текст, имея в виду такой его признак, как сюжетность. Предлагаются два варианта интерпретации:

А. Герой совершает движение от естественного состояния к состоянию цивилизации. Коллизия «перевернута» по отношению к «Цыганам».

---

¹²См.: М. Дюше. Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов — в сб.: Век Просвещения, М.—Париж, 1970, стр. 251—278.

¹³О недодешедших ранних романах Пушкина «Цыган» и «Фатам или разум человеческий», создававшихся под влиянием философской прозы XVIII в (Вольтер), см.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. I, М.—Л., 1956, стр. 33—38.

В. Неевропейский⁷ уклад представляет собой определенную цивилизацию. Тогда конфликт «Тазита» аналогичен конфликту «Цыган».

Вариант А кажется очевидным и наиболее экономно отражающим оба общих утверждения. Нецивилизованному коллективу присуще внутреннее противоречие. Его соотношение с цивилизацией, которая должна была быть персонифицирована в лице Тазита, (или миссионера), иное, чем в «Цыганах»: не европеец бежит к дикому народу, а дикарь выступает проводником цивилизованных жизненных норм или внутренне готов к выполнению этой миссии¹⁴. В частности, «обращенный» вид по отношению к «Цыганам» принимает тема мести.

Однако ряд соображений говорит в пользу варианта В. Как отмечалось в литературе, местный материал в «Тазите» перестает быть чисто описательным или декоративным и получает функцию определителя среды, в которой возникает конфликт. Эта среда культурна, имеет традицию, предписывающую нормы поведения. Гасуб — «нормальный» герой, объясненный традицией и объясняющий ее¹⁵. Речь Гасуба

¹⁴Один из «реальных» доводов, посредством которого Руссо доказывал противоестественность цивилизованного общества, был тот, что европейцы не могут приучить дикарей к своему образу жизни. «(...) Миссионерам нашим иногда удается сделать дикарей христианами, но не цивилизованными людьми. (...) Между тем как тысячу раз случается читать, что французы и другие европейцы добровольно удаляются к диким племенам и проводят среди них всю свою жизнь (...)». Цит. по кн.: Ж. Ж. Руссо. О причинах неравенства. СПб., 1907, стр. 151.

¹⁵По мнению кавказоведа, черкесские обряды переданы в поэме очень точно. — Г. Турчанинов, ук. соч.: стр. 44, 52. Черновики и первоначальная редакция некоторых стихов в белой рукописи дают основание предполагать, что Пушкин отбрасывал варианты, противоречащие этнографической трактовке Гасуба. В третьем диалоге было (слова Гасуба):

Приди... Где ж голова его
[Послушай] (?) мозг ее мне нужен
Дай мне прогрыз(ть) (?)

Набросок: «Мне череп нужен», V, стр. 353, ср. стр. 369. Это, по-видимому, реминисценция из Данте (33-я песня «Ада»). Эпизод об Уголино и Руджери был в числе первых отрывков из «Божественной комедии», переведенных на русский язык (1800) — см.: М. П. Алексеев. Первое знакомство с Данте в России — в сб.: От классицизма к романтизму, Л., 1970, стр. 57—60. В 1817 г. появился перевод Катенина «Уголин» («Сын отечества», 1817, № 9). Данте упоминается в одном из стихотворений кавказского цикла («Зорю бьют. Из рук моих...»). С другим вариантом тогда же места в «Тазите»: «Мне кубок нужен» ср.: летописный и переданный Карамзинным рассказ о гибели Святослава. (История Государства Российского, т. I, СПб, 1818, стр. 193), а также пушкинское «Послание Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...»).

строится как имитация его собственной точки зрения — взамен устраненной точки зрения героя-европейца или повествователя: «Где же, — мыслит он, — в нем плод наук (V, 74; ср.: «плоды наук» в спорах Онегина и Ленского). Показательно употребление слова «дикость», весьма важного в контексте противопоставления гражданского общества и естественного состояния. В «Цыганах» «дикость», «дикий» — обозначения вольной жизни на лоне природы в противовес «неволе душных городов». С точки зрения так обозначающего, Гасуб — дикий. Но эта дикость им самим именуется — «плоды наук», «труды», диким же названо (в авторской речи) поведение Тазита. «Но Тазит /Все дикость прежнюю хранит». (V, 73). Здесь игра на полисемии: «дикий» — антоним к «цивилизированный» и «чуждающийся людей»¹⁶ (ср. «Дика, печальна, молчалива» — о Татьяне).

Таким образом, вместо условного непротиворечивого социума — особая, этнографически определенная цивилизация, и здесь же — новая условность: «дикарь», стоящий вне этой цивилизации¹⁷. Поведение Тазита аналогично поведению Алеко — это отказ от основных культурных правил.

Вариант В удобно рассматривать в свете философских споров об изначально доброй или злой природе человека. Руссо, считая сострадание одним из двух «первых и простейших действий человеческой души» (наряду с самосохранением), утверждал, что естественные люди «даже не помышляли о мести»¹⁸ (ср. старый цыган у Пушкина), но месть присуща всем известным диким народам, которые «уже далеки от первоначального естественного состояния»¹⁹. Тазит осуществляет естественную доброту и нарушает традицию «хищного» Кавказа.

Итак, в А полярные понятия исходной антитезы остаются в силе, меняется на противоположное (в сравнении с «Цыганами») направление сюжетного движения героя. Вариант В интерпретирует текст как нетривиальное приложение тради-

¹⁶Словарь языка Пушкина, т. I, М., 1956, стр. 643—645.

¹⁷Действительный факт — горцы, вступившие в мирные сношения с русскими, мирные черкесы, упоминаемые в произведениях на кавказскую тему, в том числе в «Путешествии в Арзрум». Ср. хотя бы Галуб в «Валерике» Лермонтова — имя, как известно, заимствовано из «Тазита» в редакции Жуковского.

¹⁸Трактаты, стр. 43, 65—67.

¹⁹Трактаты, стр. 77. По Руссо, Гоббс с его «войной всех против всех» имел в виду именно это состояние. Куницын полемизировал и с Руссо, и с Гоббсом, отдавая предпочтение последнему. — Ук. соч., стр. 293—294.

ционной антитезы — к новому объекту: социум, который мог быть представлен естественным, «расслаивается» на цивилизацию и «дикость». Но эта «дикость» отвечает определенным требованиям цивилизации европейской — полярные понятия меняются местами: то, что согласно А трактовалось в качестве естественного состояния, становится в В гражданским обществом; то, что трактовалось в качестве цивилизации, совпадает по крайней мере в некотором — с естественным состоянием. Отсюда возможность третьего варианта интерпретации:

С. Борьба двух цивилизаций.

Поскольку в план поэмы включены пункты «Черкес-христианин» и «Миссионер», к понятию «европейская цивилизация» добавляется, определение «христианская», и поведение Тагита следует считать приближением к христианской морали или даже осуществлением ее требований.

А, В, С — самостоятельные варианты, но они не исключают друг друга. Так, оказалось удобным вывести С из А и В (хотя обычно комментаторы предпочитают этот вариант безотносительно к каким-либо другим). Есть и другая возможность: все три варианта рассматривать в совмещенном виде — в качестве формул, представляющих разные моменты развертывания сюжета, например, в такой последовательности: В—А—С («дикарь» — отщепенец против исконной цивилизации — он принимает иную, «естественную» цивилизацию — борьба двух цивилизаций). Тогда в С одним из членов оппозиции будет реализуемое героем состояние — одновременно естественное и цивилизованное. (Ср. другой атрибут героя — близость к природе: «внимать волнам, глядеть на звезды», — давший основание для характеристик его как «бессознательного художника», «мечтателя»).

Поскольку понятие естественного, перестает быть доминантой, а традиционная антитеза снимается и заменяется противопоставлением двух цивилизаций, постольку С выходит за пределы руссоистского комплекса. Это побуждает связать в нашей интерпретации нормативно-рационалистическую проблематику с типологически иной — исторической, историко-философской (чему в сюжете совмещении трех вариантов соответствует переход от А к С). Следующий пример дает представление о том идеологическом ряде, на который должен быть теперь спроецирован текст Пудкина и который, очевидно, отличен от исторических воззрений Руссо, а в некоторых существенных пунктах и прямо противоположен им.

В № 11 «Московского вестника» за 1827 год появились «Исторические афоризмы и вопросы» Погодина. В № 111 с «Замечаниями» на «афоризмы» выступил Р(ожалин). Дискутировался вопрос о закономерностях исторического развития человечества, в частности, европейских народов, с одной стороны, и неевропейских, с другой. Погодин отстаивал концепцию поступательного развития, постепенного одновременного восхождения народов по лестнице прогресса (прилагался чертеж!): «Времени, которое было в Европе, не было еще в Азии и Африке: так солнце освещает страны — одну за другой, и европейский вечер есть американское утро»²⁰. Рожалин доказывал, что Азия никогда не уподобится Европе, аргументируя неподвижностью государственных и общественных форм у азиатских народов²¹.

Показательны и другие фрагменты полемики (Погодин-издатель отвечает оппоненту в подстрочных примечаниях к соответствующим местам статьи последнего):

Рожалин: «Вы относите историю некоторых азиатских и африканских народов к истории древней. Во-первых, вы не сказали, кто эти некоторые?» Погодин: «Дикари, какие бы то ни были». Рожалин: «Во-вторых, вы не сказали: что разумеется под словом древняя история?...». Погодин: «Нехристианская»²².

Из утверждений Погодина вытекало, что современные нецивилизованные народы находятся на древнем этапе своей истории, границей которого должно стать принятие христианства. Позднее, повторяя и развивая это положение, Погодин заключал: «Новая история есть история христианства»²³.

Об историческом значении христианства Пушкин писал в заметках (1830) о втором томе «Истории русского народа» Полевого: «История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и по-

²⁰Московский вестник, 1827, № 11, стр. 115.

²¹Московский вестник, 1827, № 111, стр. 213. Это обычное мнение. Ср., напр., в «Истории русского народа» Н. Полевого (т. IV, М., 1833, стр. 154) или у Бестужева-Марлинского: «Измучительна неподвижность азиатского быта в течение стольких веков. Об Азию расширились все попытки улучшения и образования: она решительно принадлежит не времени, а месту («Аммалат-бек»). — А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах, т. 1, М., 1958, стр. 525. Ср. «спящий Восток» в «Споре» Лермонтова.

²²Московский вестник, 1827, № 111, стр. 213—214.

²³М. П. Погодин. Исторические афоризмы, М., 1836, стр. 7. Ср. в его «Начертании русской истории». М., 1837, с. XII.

литический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы!».

С «Тазитом» сопоставимы и эти решительно сформулированные замечания, в которых Пушкин примыкает к широко распространенному историософскому взгляду²⁴, и во многом к ним близки суждения Погодина²⁵. На релевантность историософской проблематики для поэмы указывает и этимология имен героев: Гасуб значит «хищник, разбойник, грабитель», Тазит — образовано от слова со значением «новый, свежий, молодой»²⁶. В 1836 г. Пушкин писал в послесловии к опубликованному в «Современнике» очерку «Долина Ажитугай», автором которого был черкес, офицер русской армии Султан Казы-Гирей: «Любопытно видеть, как магометанин с глубокою думою смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения» (XII, 25; последние пять слов — цитата из очерка)²⁷.

---

²⁴Назовем два имени, далекое от Пушкина и близкое, — Гегель и Чаадаев (в известном письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Пушкин сам говорит о «христианской цивилизации»). Аналогично в эстетике и истории литературы представлял взгляд, согласно которому романтизм есть искусство христианской эры, а классицизм — искусство дохристианской античности.

²⁵Речь идет не о взаимоотношениях Пушкина и Погодина, круга «Московского вестника», не об оценке деятельности русской православной церкви на Кавказе (она выражена в «Путешествии в Арзрум»), а о концепции христианства в широкой историко-культурной перспективе (ср. в ук. письме к Чаадаеву о христианстве вообще и — иначе — о положении русского духовенства, ср. также в «Заметках по русской истории XVIII века» и «О ничтожестве литературы русской»).

²⁶Э. Г. Османова. О «Тазите» Пушкина. — Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. IX, 1957, стр. 425—427; Г. Турчанинов, ук. соч., стр. 50.

²⁷Широко распространенная сюжетная коллизия «христианин—мусульманин» не обязательно должна интерпретироваться по нашему варианту. Очевидно, что он неприложим, например, к «Бахчисарайскому фонтану» или «Гяюру» Байрона. Назовем, однако, произведение, которое Пушкин рецензировал в «Литературной газете» как раз около времени работы над «Тазитом», — «Карелия» Ф. Глинки. В одном из эпизодов поэмы мусульманка, уличенная в связи с христианином, перекрестилась на глазах отца. Указанный Ф. Глинкой источник (Ф. Н. Глинка, Избранные произведения. Л., 1957, стр. 339) — «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола — был хорошо знаком Пушкину («Бахчисарайский фонтан»). И. М. Муравьев-Апостол коснулся и вопроса о магометанских общинах в христианском государстве (сразу после эпизода, использованного Ф. Глинкой, — Путешествие по Тавриде, СПб, 1823, стр. 150—152).

Все это очерчивает контекст варианта С. Он может интерпретировать текст независимо от А и В. Однако и для приближения в достаточной степени к идеологии эпохи, и для построения наиболее удобного исследовательского конструкта надо учитывать именно перечисление указанных историко-философских идей с комплексом представлений о цивилизации и естественном состоянии²⁸.

В этом плане характерна, например, полемика с XVIII веком Марлинского. Он в целом чужд руссоизма, в 30-х годах говорит об остром ощущении истории («Мы ее видим, слышим, осзаем ежеминутно — О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем»), а в отношении Кавказа — безусловно оправдывает насилие ради исторически необходимого цивилизаторства. Но и здесь всплывает имя Руссо: жизнь горцев — это «олицетворенная утопия Жана-Жака, только грязная, не нарумяненная, нагая» («Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев»)²⁹. Другой пример: если Погодин отрицает договорный принцип естественного права, то еще для Куницына естественное право — метаязык по отношению к истории³⁰. Два идеологических комплекса сосуществовали. В стихах:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует

тема (исторически неизбежная экспансия европейской цивилизации) и фразеология могут быть «разнесены» по разным рядам (один из вариантов: «ветхую» вместо «буйную» — подчеркивал временной момент). Оба этих идеологических ряда четко намечены в статье «Джон Теннер»³¹. (Напомним,

---

²⁸Напомним в этой связи и биографическое обстоятельство — особый интерес Пушкина к А. П. Ганнибалу. В немецкой биографии А. П. Ганнибала, неполный перевод которой сделан, по мнению Т. Г. Цявловской, самим Пушкиным, говорилось, в частности, о намерении Петра I доказать возможность приобщения «почти диких людей» к науке и государственной службе. Там же описано крещение Ганнибала, он характеризуется как «убежденный христианин», который — ср. выше мнение Руссо — не захотел вернуться на родину, «привыкнув к европейскому образу жизни». (Рукою Пушкина, М.—Л., 1935, стр. 51—52, 41).

²⁹А. Марлинский. Полное собрание сочинений, т. II, ч. VI, СПб., 1847, стр. 215.

³⁰М. П. Погодин. Исторические афоризмы, стр. 100; А. П. Куницын, ук. соч.: стр. 213: «Самое исследование исторических происшествий без познаний права естественного быть не может, или история будет простонародное предание, никакого поучения не представляющее».

³¹Изучение этой статьи предполагает выяснение значения для Пушкина книги А. Токвиля «О демократии в Америке». См.: М. П. Алексеев. К статье Пушкина «Джон Теннер» — Временник пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969, стр. 52—54.

что в предисловии к «Истории» Карамзин сравнивал Россию, открывшую страны, никому дотоле неизвестные», с Америкой и способы христианизации, примененные здесь и там³²).

«Тазит», будучи насыщен этнографическим материалом, ориентирован на указанные идеологические комплексы, и это отличает его от ориентированных на актуальный военно-политический и бытовой уровень «Путешествия в Арзрум» и замысла «Романа на Кавказских водах».

Что касается соотношения «Тазита» с двумя южными поэмами, оно теперь может быть сформулировано следующим образом: «Цыганы» — центральный пункт пушкинского руссоизма, «Кавказский пленник» — его начало, «Тазит» — переосмысление руссоистских идей, их сопряжение с другим идеологическим рядом. При этом наблюдается перераспределение текстовых и внетекстовых факторов.

«Кавказский пленник» — преимущественно психологическое (контраст характеров — понимая слово «характер» в том смысле, какой придавала ему современная Пушкину критика), опосредствованное элегической лирикой отражение руссоистской проблематики; начальная и финальная сюжетные ситуации здесь авантюрного типа (пленение—побег). В «Цыганах» весь сюжет непосредственно мотивирован философской антитезой. Позиция Пленника — любование «простотой», но ее соотношение с цивилизацией лишено оценочности; в «Цыганах» — нагнетение и поляризация оценок, герой — прямой их выразитель. «Дикая простота» в первом случае включает «веру», «воспитанье», во втором — не предполагает их (следующий шаг по пути условного освобождения от культурных ограничений). В первом случае тема цивилизаторской миссии европейского государства поставлена, но вынесена за пределы сюжета (эпизод), во втором она исключается вовсе. «Тазит», по-видимому, не предполагал прямых оценок; европейские нормы (и влияния) сталкивались с исконной «местной» системой «веры», «воспитанья», и это должно было составить сюжет поэмы.

Какой бы из рассмотренных вариантов (или комбинацию вариантов) ни взять за основу содержательной интерпретации, жанровые тенденции «Тазита» определяются рядом признаков, позволяющих сблизить его с романтической («байрониче-

---

³²Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. I, СПб., 1818, стр. 13.

ской») поэмой³³. Если иметь в виду А и В, то ближайшим объяснением этой близости будет то обстоятельство, что просветительская в своих истоках коллизия разрабатывалась Пушкиным в первой половине 20-х годов в жанре, идущем от байроновской tale³⁴.

В романтической поэме для поведения героя определяющим (мотивирующим) было «разочарование» (понятие, хорошо усвоенное современниками из литературы), отрицание, а обязательным признаком этого поведения, важнейшим атрибутом героя — тайна. С последним связано резкое несовпадение фабулы и сюжета в «байроническом» повествовании. Все это сохранено в «Тазите». В отношении «герой—окружение» Тазит функционально то же, что Алеко. Аналогична и причинно-следственная фабульная схема: индивидуальное нарушение нормы окружения, аномальное («героическое») поведение — изгнание.

В стихотворном эпосе Пушкина герои «неясного прошлого» четко противопоставлены героям, снабженным подробной бытовой или исторической характеристикой: Пленник, Алеко, Тазит — Онегин, Мазепа, Евгений «Медного всадника». Фабульно-характерологические «пропуски» обсуждались в критике, остро реагировавшей на предложенные ей загадки: недоумение вызывали непривычный психологический облик героев, их «участь», «неполнота рассказа». Примеры известны, напомним один: в знаменитом предисловии Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» Издатель и Классик касаются и вопроса о художественной определенности — неопределенности. В «Тазите» повествование развито достаточно далеко, но

---

³³Мы опираемся на основные положения известной книги В. М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» (Л. 1924), считая указанные им признаки достаточными для общего жанрового различения текстов и, следовательно, достаточными для наших целей. Упоминая о «Тазите», В. М. Жирмунский подчеркнул его отличие от южных поэж Пушкина и восточных поэж Байрона (стр. 190). Позднее же он относил «Тазита» к числу попыток Пушкина «вернуться к темам романтической поэмы с той драматической объективностью, которую воспитала в нем школа Шекспира» — см. его статью «Пушкин и западные литературы» — в кн. Пушкин. Временник пушкинской комиссии, 3, М.—Л., 1937, стр. 79. Говоря о романтической поэме, мы всюду подразумеваем ту ее разновидность, которая восходит к восточным поэмам Байрона и которая в русском стихотворном эпосе 20—30-х годов стала наиболее авторитетной и устойчивой жанровой моделью.

³⁴Просветительство и романтизм — отдельная проблема (включающая такие темы, как «Руссо и романтизм», «Байрон и Руссо»), которая не может обсуждаться здесь сколько-нибудь подробно.

«описан» только один из антагонистов; поведение второго — ряд немотивированных отказов от узуальных с «описанной» точки зрения действий. По сравнению с «Цыганами» происходит сюжетный сдвиг: в «Тазите» непосредственно как сюжетное событие протекает то, что соответствует объявленному в качестве «тайного» экспозиционного обстоятельства в «Цыганах» («Его преследует закон»). Но в «Тазите» — и это подчеркивает жанровое сходство — свой «пропуск» (детство и воспитание героя) в обычных для романтического повествования функциях: характерологической — атрибут тайны, и сюжетной — подготовка «биографической реминисценции» (термин В. М. Жирмунского), которая освещала (часто фиктивно) прошлое героя и мотивировала его действия (ср. в «Цыганах» первый диалог Алеко и Земфиры). В соответствии с этим строится и речевое поведение героя: оно акцентирует противоположности — молчание (таковы умолчания Тазита в диалогах) и исповедь. Как раз эти жанровые черты, а не только незаконченность текста стали препятствием для исследователей. «Биографическая реминисценция» или исповедь могла последовать, например, при встрече Тазита с миссионером.

На дошедшей до нас стадии работы над поэмой, где мотивировки еще нет, возникает противоречие с реальным комментарием к тексту: по обычаю аталычества воспитатель должен был сделать из ребенка воина; воспитатель Тазита утверждает, что достиг цели, но это опровергается поведением Тазита и вызывает недоумение Гасуба («Иль обманул меня старик»). Разгадка вряд ли может быть получена из реального комментария, и все предположения на этот счет должны исходить из представления о жанровой структуре «байронического» эпоса. Весьма показательны, что даже в случае ориентации на конкретный источник романтическая поэма в сфере мотивировок действий героя избегает прикреплять их к соответствующей норме и тем самым сокращать разрыв между ним и окружением. Характерна трансформация, которой подвергся фольклорный сюжет в поэме Лермонтова «Каллы». В источнике горец, совершивший кровную месть, убивает затем и инспирировавшего месть муллу, узнав о лжесвидетельстве последнего³⁵. Лермонтов снял мотив лжесвидетельства, так что единственной мотивировкой убийства муллы оказывается отвращение героя к кровной мести после ее

³⁵С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, стр. 62—63.

совершения и ненависть к виновнику злодеяния. Герой, таким образом, ставится в совершенно иное положение по отношению к окружению и узувальным нормам, чем если бы причина его действия была та же, что в источнике. В этой же связи можно напомнить об указании Б. М. Эйхенбаума на невозможность исторического приурочения времени действия «Испанцев» Лермонтова. По словам Б. М. Эйхенбаума, эта пьеса — «нечто вроде драматизированной романтической поэмы, в которой века и события сгущены»³⁶. В случае «Тазита» трудность заключается в том, что реальный и исторический комментарий точно определяет место, время и обстоятельства действия, дает почти исчерпывающие пояснения «локальных» деталей, но не в состоянии вывести из реалий поведение героя.

Однако нельзя с уверенностью предположить, что композиционный ход типа исповеди эксплицировал бы некий идеологический субстрат, который совпал бы с предложенной выше интерпретацией. Совпадение или несовпадение, степень эксплицирования зависели бы от того, сопоставима ли автмотивировка с каким-либо внеположным идеологическим рядом, и если да (мы исходили из этого предположения), то от распределения текстовых и внетекстовых связей (см. выше).

Сближение Тазита с героями романтических поэм поддерживается следующей параллелью:

«Кавказский пленник»

Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!

(IV, 98).

А пленник с горной вышины
Один за тучей громовую,
Возврата солнечного ждал,
Недосягаемый грозюю,
И бури немощному вою
С какой-то радостью внимал.

(IV, 99).

«Тазит»

Он любит по крутым скалам
Скользить, ползти тропой

кремнистой,

Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит печален над горой,
Недвижно вдаль уставя очи,
Опершись на руку glavой.

(V, 74).

Данная здесь поза героя на фоне бурной природы — и «над» ней — общее место романтического стиля³⁷.

В «Тазите» обнаруживается и самый сильный и устойчивый признак «байронического» эпоса, остро ощущавшийся современниками, — «вершинная» композиция. Интересны в этой связи три диалога поэмы. В. Л. Комарович показал, что

³⁶Б. Эйхенбаум. О поэзии. Л., 1969, стр. 285—286.

³⁷В. М. Жирмунский. Байрон и Пушкин, стр. 268—269; В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 57—61.

Пушкин первоначально намеревался использовать элементы фольклорной поэтики (и литературного «фольклорного» стиля). Он избрал 4-стопный хорей и, возможно, предполагал оформить каждый акт отказа героя от насилия по принципу песенного параллелизма³⁸. Поэтому центральная часть повествования была построена как троекратный повтор ситуации. Однако в процессе работы Пушкин отказался и от фольклорного параллелизма, и от 4-стопного хорей (вернулся к 4-стопному ямбу). Тем не менее трои́чность центральной ситуации сохранилась. Это нельзя считать просто остатком первоначального замысла. Причина в ином: трои́чность была использована для модификации композиционной структуры романтической поэмы. Три диалога образуют «вершины», временные разрывы между ними обозначены формулами: «Тазит (...) Два дня, две ночи пропадает», «Два дни в ауле нет его»³⁹.

Помимо диалогических эпизодов в состав текста входят большие описательные фрагменты — «Тазит» соединяет описательность «Кавказского пленника» и драматический диалог «Цыган», располагаясь ближе к первому по степени обособленности «вершин» и по объему собственно повествовательной речи. Текстологические данные — особое членение текста в белом автографе — тоже свидетельствуют о связи «Тазита» с «байроническими» поэмами Пушкина⁴⁰.

Инерция жанра романтической поэмы, наблюдаемая в «Тазите», находит объяснение и с точки зрения хронологии эпической стихотворной поэзии Пушкина. Здесь можно выделить несколько этапов.

По ряду признаков к одной группе ранних поэм относятся лицейские опыты «Монах» и «Бова», «Руслан и Людмила», неосуществленные кишиневские замыслы; сюда же примыкает «Гавриилиада». В этот период поэма для Пушкина —

³⁸В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина, стр. 220—224. Соответствующие пункты плана I: 1, день — лань, почта, грузинский купец; II — орел, казак (V, 386).

³⁹С диалогами коррелируют другие употребления формул трои́чности в поэме: Три дня, три ночи с кунаками /Его он хочет угощать; Ты в горло сталь ему воткнул /И трижды тихо повернул; Тазита трижды он позвал. Что касается отрицательных сравнений в зачине, то Пушкин употреблял их в произведениях весьма различных по характеру фольклоризма («Братья разбойники», «Полтава», «Песня о Георгии Черном», «Сестра и братья» в «Песнях западных славян»).

⁴⁰Это мнение было высказано (по другому поводу) С. М. Бонди в статье «О чтении рукописей Пушкина». — Изд. АН СССР, Отд. общ. наук, 1937, № 2—3, стр. 582 (Перепеч. в кн. С. М. Бонди «Черновики Пушкина», стр. 160).

большой жанр «легкой поэзии», шутивное (фривольное, «вольтерьянское») повествование с разного рода фантастическими элементами, вмещающее в то же время задание фольклорно-исторической национальной эпопеи (это задание выдвигалось в 1810-х годах арзамасцами, в частности, Жуковским и Батюшковым). Планы поэм 1821—1822 гг., в которых зафиксированы как стремление продолжить разработку сказочно-богатырского эпоса («Мстислав»), так и интерес к эротической «легкой поэзии» («Актеон»), не были осуществлены.

На новом этапе, восприняв влияние Байрона, Пушкин вводит в русскую литературу романтическую поэму, которая господствует в стихотворном эпосе 1820—30-х годов.

Третий этап падает на вторую половину 20-х годов. Единая жанровая основа исчезает, сосуществуют роман в стихах и комическая новелла («Граф Нулин», «Домик в Коломне»). Жанр, восходящий к байроновской tale, ограничивается от этих образований, но теряет «чистоту». В «Полтаве» Пушкин синтезирует романтическую и классицистическую традиции. «Тазит» и был еще одним, последним обращением к опыту «байронического» эпоса. В то время как в массовой литературе романтическая поэма выступает продуктивным жанром и дает большое количество подражаний канону Байрона-Пушкина, сам Пушкин к этому жанру больше не обращается. «Медный всадник» уже лишен каких-либо четких жанровых очертаний.

Предлагаемое решение задач содержательной интерпретации и установления жанровых тенденций «Тазита» позволяет определить и место поэмы в поэзии Пушкина на рубеже 30-х годов и в ряду его повествовательных стихотворных произведений.

* * *

В 1836 г. в первом томе «Современника» появился очерк Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай»⁴¹. В связи с «Тазитом» обычно цитируют сочувственное послесловие, которым Пушкин сопроводил очерк (см. выше). Однако и в тексте «Долины Ажитугай» есть места, близкие к поэме Пушкина. Приведем эти любопытные соответствия.

---

⁴¹Об авторе и истории публикации см.: Г. Ф. Турчанинов. Султан Казы-Гирей — корреспондент пушкинского «Современника» — Временник пушкинской комиссии. 1967—1968, Л., 1970, стр. 47—57; Е. И. Рыскин. Журнал А. С. Пушкина «Современник», 1836—1837. Указатель содержания.

«Долина Ажитугай»: «Есть минуты, в которые воображение человека летит на все пространство, ему доступное. Душа в это время желает чего-то непонятного, чего-то возвышенного, так что слабая природа человека не в состоянии удерживать стремления души: и так, Бог весть, куда не доходили мои мысли, где и с кем не беседовало мое воображение»⁴².

«Газит»:

Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дальнего куда
Младые сны его уводят?..
Как знать? Незрима глубь сердец.
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...

(V, 74).

Выше была отмечена в «Газите» и «Кавказском пленнике» романтическая поза героя на фоне бурной стихии. Ср. в «Долине Ажитугай»: «Я смотрел на ужасы природы, и мне казалось, что и в буре есть какое-то наслаждение. Да, с тех пор я люблю бурю, люблю разгневанную природу, люблю ее, угрюмую, без прикрас человека...»⁴³. Далее автор цитирует перевод Батюшкова из 4-ой песни «Чайльд-Гарольда»: «Есть наслаждение и в дикости лесов...».

Знакомство Султана Казы-Гирея с пушкинской поэмой исключено. Близость цитированных отрывков объясняется использованием романтических клише.

М., 1967, стр. 28—29. «Долина Ажитугай» не осталась незамеченной и вызвала отклики из противоположных литературных лагерей. Белинский писал в «Молве»: («Несколько слов о «Современнике»): «Долина Ажитугай» примечательна как произведение черкеса (Султана Казы-Гирея), который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов» (В. Г. Белинский, ПСС, т. II, М., 1953, стр. 180). И. И. Дмитриев в письме к Вяземскому от 4 мая 1836 г. так отзывался о корреспонденте «Современника», имея в виду, вероятно, выпад Белинского (ценз. разр. № 7 «Молвы» со статьей Белинского — 31 апреля): «Не правда ли, что он пишет по-русски несравненно исправнее и с большим вкусом, чем некоторые из рецензентов «Телескопа», «Молвы» и фельетона «Северной пчелы»? («Старина и новизна», 1898, кн. 2, стр. 190).

⁴²Современник, 1836, № 1, стр. 165.

⁴³Современник, 1836, № 1, стр. 168.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

г. Псков, 1973